ГЕРДЕРОВСКИЙ БИБЛЕЙСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ.
ПРАКТИЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ

Виллибальд Лаук

Комментарий на Евангелие от Матфея[1]

ПРОДОЛЖАЮЩИЕСЯ ЧУДЕСА. ИСЦЕЛЕНИЕ ДОЧЕРИ ИАИРА И КРОВОТОЧИВОЙ ЖЕНЩИНЫ 18–26 (Мк. 5:21–43; Лк. 8:40–56), ДВУХ СЛЕПЫХ 27–31, НЕМОГО БЕСНОВАТОГО 32–34.

18 Когда Он говорил им сие, подошёл к Нему некоторый начальник и, кланяясь Ему, говорил: дочь моя теперь умирает; но приди, возложи на неё руку Твою, и она будет жива. **19** И встав, Иисус пошёл за ним, и ученики Его. **20** И вот, женщина, двенадцать лет страдавшая кровотечением, подойдя сзади, прикоснулась к кисти на одежде Его, **21** ибо она говорила сама в себе: если только прикоснусь к одежде Его, выздоровею. **22** Иисус же, обратившись и увидев её, сказал: дерзай, дщерь! вера твоя спасла тебя. Женщина с того часа стала здорова. **23** И когда пришёл Иисус в дом начальника и увидел свирельщиков и народ в смятении, **24** сказал им: выйдите вон, ибо не умерла девица, но спит. И смеялись над Ним. **25** Когда же народ был выслан, Он, войдя, взял её за руку, и девица встала. 26 И разнёсся слух о сем по всей земле той.

27 Когда Иисус шёл оттуда, за Ним следовали двое слепых и кричали: помилуй нас, Иисус, сын Давидов! **28** Когда же Он пришёл в дом, слепые приступили к Нему. И говорит им Иисус: веруете ли, что Я могу это сделать? Они говорят Ему: ей, Господи! **29** Тогда Он коснулся глаз их и сказал: по вере вашей да будет вам. **30** И открылись глаза их; и Иисус строго сказал им: смотрите, чтобы никто не узнал. **31** А они, выйдя, разгласили о Нём по всей земле той.

32 Когда же те выходили, то привели к Нему человека немого бесноватого. **33** И когда бес был изгнан, немой стал говорить. И народ, удивляясь, говорил: никогда не

---

[1] Перевод: *игумен Петр (Мещеринов)*. Редакторы: *Елизавета Жудро, Ольга Ануфриева*.

бывало такого явления в Израиле. **34** А фарисеи говорили: Он изгоняет бесов силою князя бесовского.

Иисус ещё говорил с учениками Иоанна и фарисеями, **(18)** когда к Нему вновь обратились за помощью. «Подошёл некоторый начальник». Это обозначение не вполне ясно. В Иерусалиме под «начальником» можно было бы понимать члена синедриона; здесь же, по-видимому, речь идёт о старшем в местной общине, то есть об одном из семи членов общинного совета. Марк и Лука называют этого человека «начальником синагоги». Вероятно, он совмещал обе должности, что, судя по всему, в то время встречалось нередко. Начальник синагоги, отвечавший за проведение богослужений, принадлежал к самым почитаемым представителям общины; по своему положению он стоял даже выше попечителей о бедных (см. комм. к 6:1). Так, в одном из мест Талмуда мужчине, собирающемуся жениться, советуется: если он не найдёт дочери знатока Закона, ради которой следовало бы продать всё своё имущество, пусть выберет тогда дочь «одного из наиболее уважаемых людей в обществе. Если не найдёт такую, пусть женится на дочери начальника синагоги; если и такой не найдёт – на дочери попечителя о бедных».

И вот этот столь почтенный человек подошёл к Спасителю и пал к Его ногам. Его привела большая беда. Матфей передаёт данный рассказ настолько кратко, что опускает не только подробности, оживляющие повествование, но и многое из того, что помогает понять чувства и побуждения действующих лиц. Складывается впечатление, что он спешит скорее закончить описание этого долгого, насыщенного событиями дня. Лишь от Марка и Луки мы узнаём, что этого человека звали Иаи́р, и что его горячо любимая дочь, которой исполнилось всего двенадцать лет, была у него единственным ребёнком. Теперь она лежала при смерти. В доме родителей, которым, возможно, уже не суждено было иметь других детей, будто зашло солнце. Неудивительно, что несчастный отец, несмотря на своё высокое положение, не постеснялся упасть к ногам Спасителя прямо на улице, на глазах у толпы. **(19)** Иисус тотчас прерывает прежний разговор – какое же у Него доброе, любящее сердце! – и идёт вместе с ним. Именно так, как и в других подобных местах, следует понимать греческое слово ἐγερθείς. Оно означает не только «встать с места», словно Иисус всё ещё возлежал за трапезой (см. комм. к 9:10), но вообще всякий переход от покоя к движению.

(20) По дороге к Иисусу приблизилась женщина, ищущая у Него помощи. Уже двенадцать лет, ровно столько, сколько было дочери Иаира, она страдала весьма мучительной болезнью – кровотечением. Согласно Закону, такие женщины считались

нечистыми. Всё, к чему она прикасалась, включая пищу и питьё, становилось нечистым. Всякий, кто соприкасался с ней или хотя бы с её постелью либо стулом, на котором она сидела, осквернялся на весь день, а вечером должен был выстирать свою одежду и сам совершить омовение (см. Лев. гл. 15). Как сообщает Марк, несчастная женщина уже истратила на врачей всё своё состояние. В распоряжении тогдашних врачей было немало средств: александрийская камедь, алоэ, ячменный крокус, персидский лук, тмин и другие вещества, которые добавляли в вино и использовали как лекарства. Применяли и более сильные снадобья. Например, считалось, что ячменное зерно, найденное в навозе белого мула, если держать его в руке три дня, способно полностью остановить кровотечение. Исцеления ожидали также от страусиного яйца, сожжённого в пепел: летом его носили в льняной, а зимой – в хлопковой тряпице. Хорошее действие приписывали и настою из шестидесяти пробок от винных бочек[2]. Но этой женщине ничто не помогло. Из замечания Марка (5:27), что она «слышала молву или рассказы об Иисусе», можно заключить, что она была не из этих мест, а пришла издалека. В таком случае не столь уж невероятным представляется утверждение Евсевия, что она происходила из Панеады (Кесарии Филипповой), где ещё в его время об этом евангельском чуде напоминала бронзовая статуя.

Итак, эта женщина подошла сзади и прикоснулась к кисти на Его верхней одежде. В книгах Моисея (Числ. 15:38 и далее и Втор. 22:12) было предписано каждому израильтянину в напоминание о заповедях Божиих носить по четырём углам верхней одежды кисти или бахрому. Синагога установила на этот счёт множество подробных предписаний. Примерно на ширину большого пальца выше угла одежды через отверстие продевали четыре туго скрученные нити, обычно шерстяные. Согласно учению школы Шаммáя, три из них должны были быть белыми, а одна – пурпурно-синей. Затем эти свисающие за край одежды нити искусно завязывали петлями так, чтобы получилось пять узлов, заканчивавшихся, в свою очередь, восемью нитями бахромы. Сама эта верхняя одежда, или плащ, при всём разнообразии форм, в основе своей представляла собой, как и теперь у бедуинов, продолговатый прямоугольный кусок ткани, который обёртывали вокруг тела или соответствующим образом сшивали, оставляя руки и одно плечо открытыми. Таким образом, женщина, скорее всего, прикоснулась к кисти того угла плаща, который свисал со спины Иисуса, твёрдо веря, что уже одно это прикосновение принесёт ей исцеление.

[2] В Талмуде (Шаббат 110b), откуда заимствовано это описание, говорится о шестидесяти печатях, предположительно глиняных, которыми запечатывали сосуды с вином, а не о пробках в современном смысле.

(21) Вполне понятно, что она не решалась открыто признаться в своём недуге и попросить об исцелении. Ей, особенно перед лицом такой толпы, мешали и женская стыдливость, и страх получить отказ. Как мог столь уважаемый раввин прикоснуться к ней и оскверниться от этого прикосновения! Поэтому, несмотря на свою твёрдую веру, она всё же чувствовала и укоры совести, как ясно следует из повествований Марка и Луки. К тому же её вера не была свободна от суеверия: она полагала, что само прикосновение обладает некой магической силой. Однако Господь здесь – как столь часто бывает в жизни – смотрит не на точность и определённость богословских представлений, а на доброе начало в её душе. Поэтому чудо совершается сразу, что Марк и Лука особо подчёркивают.

Но Иисус не хочет, чтобы женщина отошла от Него таким же тайным образом. Она не должна уйти с сознанием, что получила исцеление как будто украдкой, и тем самым омрачить радость своего вновь обретённого здоровья. **(22)** Поэтому Спаситель оборачивается, отыскивает взглядом трепещущую женщину (Мк. 5:33) и обращается к ней с тёплыми словами: «Дерзай, дщерь! вера твоя спасла тебя». Употребление здесь перфекта σέσωκέν подтверждает, что женщина действительно исцелилась уже от прикосновения, а не только после слов Иисуса. Но теперь она должна понять, что чудо совершилось не благодаря прикосновению самому по себе, а по её вере. Разумеется, Господь вовсе не хотел этим приписать исцеление психофизическому воздействию субъективной веры. Подобный современный ход мыслей был столь же чужд Ему, как и Его слушателям. Он подразумевал – и Его слова невозможно было понять иначе – что Бог совершил это чудо в ответ на её веру. Стало быть, исцеление вовсе не было получено тайком, словно украдено.

Марк добавляет примечательные слова, которые почти в той же форме приводит и Лука: «Иисус заметил (или почувствовал) в Себе, что из Него вышла целительная сила» (Мк. 5:30; Лк. 8:46). Потому Он и обернулся, чтобы найти ту, чьё прикосновение вызвало исхождение этой силы. Иисус не удовлетворился и замечанием апостолов, что народ теснит Его со всех сторон, и нет ничего удивительного, если кто-то к Нему прикоснулся. Совершенно очевидно, что здесь не может быть и речи о каких-либо электромагнитных или подобных энергиях, присущих телу Иисуса. Многочисленные чудеса Христовы – и по самому объекту, над которым они совершались, и по способу их совершения – исключают всякое такое объяснение.

Чтобы глубже понять смысл слов Марка и Луки, насколько это вообще возможно, остановимся на них более подробно. Всякий, кто хотя бы немного занимался естественными науками, знает, насколько справедливы слова из «Фауста» Гёте:

Таинственна средь бела дня,
природа не даёт покров свой снять руками,
и то, чего она не вскроет для меня,
винтами выдавить нельзя да рычагами[3].

Если уж видимое мироздание в своих глубочайших основаниях остаётся для пытливого человеческого разума непроницаемой тайной, то тем более это относится к тайне веры: как две природы, божественная и человеческая, соединились в одном Лице Сына Божия. Любой богослов противоречил бы самому себе, если бы, с одной стороны, подчёркивал непостижимость этой тайны, а с другой – утверждал, что все слова и действия Богочеловека можно без остатка объяснить действием Его Божества. Тем самым он рисковал бы вступить в противоречие и с догматом, и с самим фактом всей полноты человеческой природы Христа, представив в конечном счёте Его человечество лишь как машину, управляемую Божеством. Да и Сам Иисус при таком подходе превратился бы в своего рода актёра, который выражает не Свои подлинные мысли и чувства, а говорит и действует лишь «как будто» (ср. комм. к 3:16). Толкователю Священного Писания надлежит здесь признать пределы своего познания, подобно тому, как это делает – или, во всяком случае, должен делать – естествоиспытатель. Он не вправе искажать факты ради собственного несовершенного понимания тайны, но должен принимать отдельные факты так, как они есть, и затем выяснять, удастся ли ему, и в какой мере удастся, соединить их в единое целое.

Таким образом, эти слова евангелиста, или, точнее, Самого Иисуса, от Которого евангелисты их восприняли: «Я почувствовал силу, исшедшую из Меня», – нужно понимать в прямом смысле, как свидетельство того, что Иисус действительно ощутил исхождение из Него силы. Из всего описанного евангелистами хода событий следует, что это чудо произошло не от сознательного волевого акта Иисуса-Человека – Иисус не намеревался его совершать: женщина подошла к Нему тайно, сзади. Чудо совершил Сам Бог в ответ на веру женщины, причём телесность Иисуса послужила здесь физическим орудием для Божьего чуда, подобно тому как в таинствах вещество служит физической сопричиной вышеестественного действия благодати. Человеческое сознание Иисуса (см. комм. к 3:16) восприняло совершившееся чудо уже вследствие такого участия Его тела. Также отсюда видно, что в физическом теле Иисуса заключались целительные силы, – что само по себе вовсе не удивительно, поскольку Он во всей полноте Своего человечества пребывал в ипостасном единении с

[3] Гёте, «Фауст», ч. I, ст. 672–675. Перевод А. А. Фета.

Божеством. Это проливает новый свет на то, каким образом Иисус совершал чудеса. Чаще всего Он творил их не только словом, но и прикосновением; и это прикосновение было не просто внешним жестом, но непосредственной передачей целительной силы из Его тела, проникнутого силой Божией.

Конечно, это выражение – «Иисус почувствовал в Себе, как из Него вышла сила» – несколько неуклюже, поскольку в нашем обычном языке по понятным причинам нет слов, которые могли бы вполне точно описать подобное явление. Тем не менее отсюда можно сделать и дальнейшие выводы. Хотя тело Того, Кто *имеет жизнь в Самом Себе* (Ин. 5:26), заключало в себе вышеестественные жизненные и целительные силы, оно всё же было человеческим телом, состоящим из материи и подчинённым её естественным законам. В то время оно ещё не находилось в состоянии преображения. Поэтому чудо, совершённое посредством физического действия, означало для Иисуса в тот момент – и приведённое выше выражение вполне позволяет так думать – некоторую потерю сил или утомление. Тогда становится понятнее, почему Он был так утомлён после дня, в течение которого люди постоянно обращались к Нему за помощью. В новом свете предстаёт и отнесение к Его исцелениям пророческих слов: «Он взял на Себя наши болезни» (см. комм. к 8:17). Стало быть, на Иисусе при Его делах милосердия сказывалась не только душевная, но и физическая нагрузка.

Разумеется, человеческому познанию недоступно приподнять завесу, покрывающую тайну ипостасного единения, и однозначно объяснить все душевные и телесные проявления человеческой природы Иисуса, их взаимные связи и их отношение к Божеству. Поэтому богослов, подобно естествоиспытателю, должен здесь научиться признавать пределы своего познания. В науке, например, несмотря на все наши знания о природе, полученные с помощью эксперимента и математики, до сих пор не существует всеобъемлющей физической теории – учёным приходится довольствоваться частными. Но даже если человеческому разуму никогда не удастся свести все знания о природе в единую систему, всё равно не найдётся ни одного физика и вообще ни одного разумного человека, который усомнился бы в единстве самóго реального мира. Точно так же и в познании необыкновенной Личности Христа: даже если всё, что нам удаётся понять о Нём на основании имеющихся источников, не складывается в единую картину, дающую ответ на все вопросы, это нисколько не ставит под сомнение догмат об ипостасном единении. Одно из сказанного, впрочем, должно быть ясно всякому – а именно, каким великим источником силы служит Тело Христово, то самое Тело, которое верующий принимает в Святом Причащении. Правда, не каждый испытывает на себе действие этой силы. И в описываемом

событии люди со всех сторон теснили и толкали Спасителя, на что Пётр и обращает Его внимание (Лк. 8:45). Однако никто из них не ощутил действия силы этого Тела, – только женщина, которая с верой прикоснулась к Нему.

Между тем, как сообщают Марк и Лука, из дома Иаира пришли посланники и известили его, что девочка умерла. Иисус ободряет упавшего духом отца и продолжает путь. **(23)** В доме умершей, скорее всего во дворе, уже собралось множество сочувствующих и любопытствующих. Здесь были и флейтисты, и плакальщицы. Без них не обходились ни одни похороны. Равви́ Иегу́да (ок. 150 г.) говорил: «даже самый бедный в Израиле должен нанять не менее двух флейтистов и одной плакальщицы». Их главная обязанность состояла в том, чтобы по дороге к могиле, когда погребальная процессия останавливалась для смены носильщиков, оплакивать умершего и восхвалять его добродетели. Но начинали они свою работу уже в доме умершего. Хором или попеременно они громко причитали, в зависимости от возраста и пола покойного: «горе о женихе!» – так именовали умершего в возрасте от трёх до тридцати лет; «горе о брате!» – этими словами оплакивали умершего в возрасте от тридцати до сорока лет; «горе об отце!» – если он был ещё старше; «горе о невесте!» – и так далее. К этим непрерывным горестным возгласам добавлялись и другие, в зависимости от обстоятельств. При этом они хлопали в ладоши, топали ногами и производили шум с помощью ручного барабана и кели́м (двух деревянных палок длиной в один локоть каждая, которыми ударяли одну о другую). **(24)** Иисус произносит величественные слова: «Девочка вовсе не умерла, она только спит». Над Ним смеются, потому что знают, что девочка мертва. Разумеется, это знает и Сам Иисус. Всякое иное рационалистическое объяснение превращает Иисуса в комедианта, который будит спящего ребёнка, а затем с невероятной важностью строго внушает родителям, чтобы они никому не рассказывали об этом поразительном чуде – о том, что Он разбудил спящего человека. Нет, здесь подлинная смерть. Но для Иисуса она – лишь сон. Его необыкновенная Личность всё явственнее превосходит пределы человеческих возможностей. Для всякого человека смерть – всепоглощающая бездна. Самый могущественный правитель, подойдя к этой бездне, умолкает и навсегда исчезает в ней. Только Иисус свободно переходит из этого мира в иной и обратно, как хозяин дома переходит из одной комнаты в другую.

(25) Прежде всего Спаситель велит вывести толпу, причём, судя по греческому выражению, это произошло не без применения некоторой силы. Народ и без того достаточно взволнован всеми чудесами и событиями сегодняшнего дня – не следует доводить его до полного исступления ещё и воскрешением умершей. Поэтому, как

сообщают Марк и Лука, Иисус берёт с Собой, кроме родителей девочки, только трёх особенно близких Ему апостолов и входит в комнату, где она умерла. Там она лежит, белая и прекрасная, словно надломленная лилия. Иисус берёт её маленькую руку в Свою. Какой необыкновенной силой обладает эта живительная рука! Девочка открывает глаза, встаёт и начинает ходить. Иисус велит, как замечают Марк и Лука, дать ей есть – вероятно, не для того, чтобы доказать, что она действительно живая, а не призрак (ср. Лк. 24:41), но чтобы вернуть застывших от изумления родителей к реальной жизни.

Когда Он, согласно Марку и Луке, строго запрещает им рассказывать кому-либо о случившемся, то, конечно, не намеревается таким образом навсегда сохранить чудо в тайне. Это невозможно: не станут же родители отныне держать девочку взаперти. Но по крайней мере сегодня и в ближайшие дни – пока народ хоть немного не успокоится – о случившемся не должно стать известно.

(27) Едва Иисус выходит из дома Иаира, чтобы отправиться к Себе – поскольку, должно быть, наступил уже довольно поздний вечер, – как за Ним бросаются двое слепых с криком: «Помилуй нас, Сын Давидов!» Обращение во всеуслышание «Сын Давидов» было для Иисуса весьма нежелательно. Под этим титулом подразумевался Мессия, – но у взволнованного народа с его ложными земными мессианскими надеждами такой возглас мог лишь разжечь страсти и пробудить нелепые ожидания. **(28)** Поэтому Иисус никак не откликается и спешит добраться до дома. Слепые просят привести их к Нему и повторяют свою просьбу. Когда они, отвечая на вопрос Спасителя, исповедают свою веру, тем самым доказав, что именование «Сын Давидов» в их устах не просто пустые слова, повторённые вслед за другими, – Его доброе сердце уже не может отказать им в исполнении просьбы. **(30)** И им Он строго велит молчать, – правда, безуспешно.

Но даже дома поздним вечером Иисус не имеет покоя. **(32)** Теперь к Нему приводят ещё одного человека, уста которого сомкнул диавол. Здесь складывается впечатление, что и сам Матфей уже утомился от своего рассказа об этом долгом дне. Почти телеграфным стилем он поспешно добавляет повествование и об этом чуде. И действительно, сутки со вчерашнего вечера оказались очень насыщенными, богатыми событиями и беспокойными. Конечно, не следует представлять себе, что все дни галилейского служения Иисуса были такими. Но теперь нам вполне понятно, почему Он был прямо-таки вынужден снова и снова удаляться от народа, иногда даже на продолжительное время. Именно последние стихи, **33**-й и **34**-й, ясно об этом свидетельствуют: «Такого ещё не бывало в Израиле», буквально: «никогда не было

видано». Помимо всех прочих причин, Спаситель не хочет собирать вокруг Себя любопытных зрителей, которые ожидают от Мессии лишь удовлетворения своих земных потребностей, совершенно не понимая Его божественного служения. А замечание фарисеев, которое они пока ещё не решаются высказать Ему Самому в лицо, но тем усерднее распространяют среди народа: «Он изгоняет бесов силою князя бесовского», – показывает, как враг уже сплетает свои коварные сети.